

ЦЕНА 10 КОП

М. КОВАРСКИЙ

НЕГАТИВ

573
№ 48

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

№

БЕГЕМОТ 48

573

М. КОВАРСКИЙ

111.5.
127.
16340

НЕГАТИВ

ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА
„БЕГЕМОТА“

Изд-во „Красная Газета“

Ленинград — 1927

(№ 15 — 1927 г.)

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО

ЛЕНИНГРАД
ФОНТАНКА, 57

Ленинградский Гублит № 32996.

Тираж 20.000 экз.

Заказ № 374.

НЕГАТИВ

Это произошло 17 августа 1955 года...

В кабинет директора Фонтанкостроя вошел старичок, одетый в странный костюм двадцатых годов, так - называемую толстовку. Вошел и улыбнулся...

Директор удивленно посмотрел на старичка и нетерпеливо сказал:

— Мест нет! Неужели вы не слышали наши радио-извещения о том, что вчера последний конторщик заменен у нас автоматом, работающим 24 часа в сутки?

— Мне места и не надо, — ответил старичок. — В свое время я уж послужил! Мне бы с вас должок получить!

— Какой?

— Эх, все вы так! Когда брать, так помните, а при отдаче забыли! Мне алимент отдай!

— Али-мент? — опешил директор. — Какой? Кто вы?

— Я — ваш папаша, директор!

— Вы съума сошли! Как вас зовут?
— Фунтиков, Захарий Карпыч!
Директор захохотал:
— А меня — Мюд Коминтернов! Где же родство?

Старик блаженно улыбнулся:

— Как же, помню это время! Была такая мода людей учреждениями называть; только все же — сынок ты мне абсолютный! Жаль, что матушка твоя в крематории, а то подтвердила бы!

— Послушайте, врете вы все, старикан!

— Стыдно, Мюдочка, стыдно! Родителя уважать надо, а ты вдруг — врете! Грех это! Стоило до седых висков дожить! Ведь приятели мои бывало в пивнушках сидят, а я изволь свое пиво тебе отдавать должен... Часто я мать твою вспоминал, когда от папироски отказываться приходилось! Все на тебя шло! Поговорка у меня даже была такая: Пиво пить — дудки! Отдам лучше Мюдке! А после — такая благодарность. Знал бы, не рожал бы...

Старик смахнул с глаза слезу. А директор задумался... Хотелось ему вызвать у себя чувство к этому живому обломку годов борьбы и усилий, но тщетно! Слишком смешон был старикашка в своем одеянии... И, кроме того, директор боялся мистификации...

— Ну, хорошо, — сказал он, наконец. — Я согласен, что вы имеете право на компенсацию в

некотором количестве, но где же доказательства истины?

— Эх, Мюдок! А много ли их было тридцать лет тому назад, когда меня отцом признали? Все доказательства и были такие: отец, хоть не лысый, но будет им, а сын уже без волосенков, — значит, — потомок... Отец на суде не курит, и сын — некурящий. Опять же, лицом к Дарвину становились! А теперь, сынок, обратная сторона медали появилась. Даешь обратный ход...

— Как все это странно! — сказал директор.

— Еще бы, — оживился старик. — Очень странно: сын в отце сомневается. Да посмотри ты на себя в зеркало, все мое: и ум, и энергия, и душа! Ну, подойди, Мюденок. Дай-ка поцелую тебя в лоб... А два червонца в месяц разве деньги? А я тебе сколько этих третей отдал, — много! Другой бы обрадовался такому случаю находки... Эх, Мюд, не ожидал я!

— Чорт с вами, забавный вы старик! — весело сказал директор. — Вот деньги...

Старик взял их, аккуратно записал число и месяц, а после добавил:

— Ну, спасибо, пойду! Надо и второго сынка проведать. Он тут в земельном отделе Марсо-треста служит. Лет 25 не видал его!

И, сделав старинный, непонятный жест, а именно — положив свою руку в руку директора Фонтанкостроя, старик бодро вышел из кабинета.

ДВА БРАТА

(Сказка для неповеских детей).

Их было два брата... один был писатель, другой был фининспектор. Писатель писал большие повести... Фининспектор писал маленькие повестки. Повести писателя успеха не имели, писатель унывал, ибо печать была всегда против него. Повестки фининспектора успеха тоже не имели, но фининспектор не унывал, ибо печать была всегда с ним. Неудачник-писатель переменял повести на статьи. Но они никого не привлекали. Удачник-фининспектор тоже менял часто повестки на статьи, но его статьи привлекали многих и надолго. Произведения писателя расходились слабо, и их никто не ходил искать. Произведения фининспектора расходились по всему миру, и читатели пускались по миру вслед за ними. И спросил тогда писатель у фининспектора:

— Я талантливее тебя, но почему тебя знают все, а я никому неизвестен?

— Дурак! — отвечал фининспектор. — Ты описываешь в твоих произведениях любовь, славу и прочие бесценные вещи, я же описываю лишь вещи нужные и ценные. Вот в чем разгадка!

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ АНЕКДОТ

В купэ было только два человека... Один — толстый, веселый, уже немолодой человек, другой — худой, бледный, в вузовской форменной фуражке, юноша... Юноша был весьма молчалив, и вся его общительность выражалась только в одном слове: «извиняюсссь». Слово это он повторял каждый раз, когда по каким-либо причинам нечаянно сталкивался с соседом, или просто касался ногой чемодана последнего. Толстый, веселый человек все время любезно говорил: «пожалуйста», но, наконец, не вытерпел и громко захохотал:

— Ой, вы, вежливый молодой человек! Неужели вам еще не надоел этот буржуазно-извинительный тон? Ну, толкнули, так что из этого? Всякий, кто мало-мальски ездил в годы революции по железным дорогам, раз навсегда больше не обижается, если его случайно хлопнули сапогом по голове...

Юноша мягко улыбнулся:

— Увы, мне не пришлось испытать прелести поездок 20-го и 21-го года... Я недавно только как приехал в СССР ... Всего год.

— Ой, бедненький, как мне вас жаль! Вы же, значит, не переживали таких острых минут, как, например, заградительный отряд, а? А зеленые? Вы знаете, что такое зеленые? Это вот что... Вдруг останавливается поезд и какие-то люди в одних, простите, обмотках, без штанов начинают сперва морочить головы пассажирам, а потом и вовсе рубить их. И это продолжается до тех пор, пока от каждого пассажира не останется голое место. У одной моей знакомой в ноздре был спрятан трехкаратник... Так что вы думаете? Эти негодяи заставили ее чихать.

— Боже, какая жуть! И пассажиры не боялись? Ездили, как ни в чем не бывало?

— Что значит — не боялись? Если сахар в Киеве стоил 20.000, а в Москве 75, так все пассажиры боялись только одного... Чтобы в Москве цены на сахар не понижались, а в Киеве не поднимались... Но, слава богу и советской власти, это все — в прошлом. Теперь, как видите, можно спокойно ехать и не думать о зеленых, о белых, я знаю, о, чорт его знает о чем. Но один плюс имеют эти воспоминания... Я теперь знаю все дороги, как свою квартиру... Я прошел огонь, воду и фановые трубы, как говорится, и я вас должен предостеречь от всего... Это долг старого ветерана перед молодым бойцом.

— Предостеречь? Неужели есть еще опасности на железной дороге? — ужаснулся юноша.

— Хе-хе! Для старого тигра кошка — это вкусный завтрак, а для молодой мышки кошка — это уже большой враг! Для меня кража в вагоне — это старый железнодорожный анекдот, который я триста раз уже слышал, а для вас, ни разу не ездившего по южным дорогам, это — опасная новинка... Во всяком случае, я думаю, если вы ногу просунете в ручку чемодана, так это вас не стеснит особенно, а?

— Ногу в ручку, зачем?

— Как зачем? Только политбезграмотный идиот может привязать чемодан к ноге... Ведь когда срежут веревку, вы не услышите!

— Как все это странно! И как я благодарен вам за все ваши советы.

— Погодите! Благодарности — письмом... Вы лучше скажите, вы знаете стихи или куплеты какие-нибудь наизусть? А? Неважно, если они не революционные, просто какие-нибудь. А?

— А зачем это? — растерянно спросил юноша.

— Очень просто. Это — средство, чтобы не заснуть... Когда очень хочется спать, а соседи подозрительны, так я всегда начинаю повторять марш Буденого, «Кирпичики» и «Когда волнуется желтеющая нива»...

— Простите, мне даже неловко, — сказал юноша, — нас в купэ — только двое... Ведь все меры, которые вы мне советуете принять, это,

так-сказать, будет броня против вас. Неужели, вы думаете, я сделаю это? Я, правда, молод и неопытен, но это было бы слишком... Нет, я никаких мер не приму. Я верю вам.

— Ребенок вы! Откуда вы знаете, кто я? Может-быть, я врач, а, может, вовсе международный вор, которого ищут все собаки из всех угрозисков мира? Видали, он верит! Не-ет, вам надо еще учиться у жизни... А вдруг, хотя мой билет до Севастополя, я сойду в Синельникове, а?

— Ах, вы тоже до Севастополя! — обрадовался юноша. — Ну, тогда я спасен. Никто не займет вашего места, и никто меня не обидит! А стихи для меня всегда были китайской азбукой, у меня память дырявая, как багажная сетка... А теперь, простите, я буду спать. Знаете, молодой организм! Он должен есть во-время, пить во-время и спать во-время. Спокойной ночи, наставник!

— Ой, спите, спите, безрассудный ребенок!... Будь я вашим отцом, вы бы у меня не ездили один...

Когда добродушный толстяк, назавтра хотел помыться, он никак не мог найти своего полотенца, ибо полотенце вместе с другими вещами лежало в том самом чемодане, который поздно ночью украл бледный юноша, оставивший поезд на ст. Синельниково.

ПОЧТА АМУРА

С девяти до трех не разгибались унылые спины сотрудников этого треста.

Милые пишбарышни не успевали попудриться, а хмурые счетоводы высморкаться. А если кто-нибудь из служащих и заикался неожиданно о вчерашнем кино-боевике, — недовольный и умоляющий шопот останавливал болтуна:

— Тш! Аркадий Николаевич услышит!

И действительно слух у зава был исключительный. Впрочем, и остальные четыре чувства были у него великолепны. Зав был в курсе всех фиктивных гриппов, всех бабушек, которые отличаются у служащих способностью трижды в год умирать и возрождаться, тем самым являясь помехой к регулярному хождению на службу. Прогоулов не было в тресте, и службисты, как фанатики, сгибали спины на службе днем и вечером дома. Но не безгранично человеческое терпение, и однажды веселый чертежник Грифелев предложил:

— А что, братцы, если устроить в воскресенье танцы с летучей почтой и всеми фокусами?

— Есть контакт! — поддержали все. — Разрешит ли только зав?

Но, как сие ни странно, зав разрешил занять помещение столовой под танцы. Больше того, — он сам приобрел билет и обещал непременно быть, говоря:

— Как-же-с! Сам был молод... Люблю это я, бывало, писульку дамочке послать и трепетно ответа ждать... Я вам пишу, чего же боле? Раз в год повеселитесь... Освежает это!

— Настало жданное воскресение... Духовой оркестр, развязав свою глотку, грянул марш... Гости съезжались... Запахло Тэжэ и тем неуловимым запахом, который умеют уносить из парикмахерской щеголи, испытав на себе весь прейскурант по порядку. На блузочках и пиджаках виднелись номерки летучей почты. А Аркадий Николаевич выделялся среди всех танцующих своим ростом и номерком, прикрепленным поверх значка «Друг химии». Номерок представлял собой стройную единицу.

— Вальс... Мазурка... Капелька шимми Венгерка!!!

Аркадий Николаевич сидел в уголку и строил очаровательной машинистке Зиночке:

— Вы — дуся! Вы — роза!

И дальше не знал, что писать. Задумался. А думая, вспомнил, что Зиночка вчера обещала отбарабанить шесть экземпляров отчета, а сделала только три. Рассердился. И, забыв про начало письма, уже деловым почерком продолжал:

— Кроме танцев, надо помнить обязанности. Немедленно еще 4 копии...

Случай с Зиночкой навел зава на рабочие думы. Увидав счетовода Груздева, отбивающего чечетку, зав послал по почте амура следующее:

— Где баланс за август? Безобразия! Вторые сутки жду!

Управделу было написано:

— Протокол — не фокстрот! Ногами его не делают... Потрудитесь переписать...

А через час в зале была такая картина. Духовой оркестр шпарил Кикапу, а на подоконниках, на стульях и на стене служащие водили огрызками карандаша по клочку бумажки:

— Арк. Ник. Гроссбух в порядке по июль...

— В ответ на ваш запрос сим довожу, что телефонограмма № 0034 прибыла вчера в 19 ч.

А конторщица Сонечка, главный почтальон почты амура, все время разносила записки от зава. И число их росло, и содержание их было все резче, и тон все язвительнее.

И лишь в три часа ночи, когда оркестр дернул Буденого и оглушительный рев басов покрыл все голоса, усталый зав, дописав последнее письмо, в котором называл чертежника

Грифелева за то, что он замазал тушью чертеж, танговой мазилой, обратился к служащим со словами:

— Ну, спасибо, ребятки!... Повесилили старика... До будущего года, как говорится...

И все быстро разошлись, ибо зав не верил мертвым теткам и бабушкам, а до девяти утра оставалось всего 5½ часов.

А на полу осталась переписка, сугубо деловая переписка маленького шалуна амура, ставшего сразу взрослым, более того — дряхлым и ненужным...

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

Услышав звонок, Варвара Павловна Таманцева, очаровательная женщина, имевшая в своем распоряжении чудную квартирку и незастрахованую домашнюю работницу Лушу, поспешила открыть дверь. Эту незатейливую работу пришлось выполнить потому, что Луша была послана с поручениями на весь вечер.

Открыв дверь, Варвара Павловна замерла на месте. Перед ней стоял неизвестный товарищ в кожаной куртке с каким-то значком на груди. В руках неизвестного был портфель. Варвара Павловна сообразила все в одну секунду... Да, да, безусловно, он! Обследователь жизни прислуг! Об этом теперь много пишут и говорят... За эксплуатацию прислуги штрафуют, арестовывают, высылают... А Луша не застрахована! О, боже! Варвара Павловна учла все это сразу, и гениальный план проник в ее белокурую головку. Она непринужденно вставила наманикюренный палец в ноздрю и нараспев спросила:

— Вам кого, барыню? Ей нет!

Гражданин удивленно взглянул на двухкаратное кольцо, украшавшее ковыряющий палец, и сказал:

— А вы, гражданочка, кем здесь будете?

— Мы — прислуги, — заявила Варвара Павловна, меняя ноздрю. — Завсегда в них состояли на-страже интересов, и не надо нам монахов, и не надо нам попов!

Фраза произвела на товарища хорошее впечатление. Он с любопытством взглянул на кротовую жакетку, прикрывавшую белые плечи Варвары Павловны. А она, уже увлекшись своей ролью, продолжала:

— Ох, какая у меня барыня! Прямо — не поверите, прямо политкаторжанка душой! Вот заместо прозодежды — жакетку выдала мне... А работы у меня — час в сутки... Ничего барьяня мне делать не позволяет... Все говорит, что от работы маникюр на мозолистых руках портится... И притом, какая она антирелигиозная! Бога — чертыхает всегда! Ей бы в Женотделе при Наркоминделе делегаткой быть, а не то, что так! Вот какая у меня барыня, тов.следователь!

При последнем слове гражданин самодовольно улыбнулся и положил руку в карман. Увидя этот жест, Варвара Павловна засуетилась еще больше...

— Так что, тов. гражданин-следователь, вы уж все запишите! И что жалованья я получаю по индивидуальному бону на культпро-

свет 100 рублей ежемесячно, и что в Ялте я в этом году со всеми прочими трударями все лето жила, и что барыня моя вполне безусловная кандидатка по образу мыслей и прочее...

Но тут гражданин вдруг взглянул на чудную обстановку гостиной и громовым басом заорал:

— Эксплоатируют тебя здесь, домработница! Хозяйка ваша — гиена! Вы — несознательны. Вам глаза деньгами и Ялтой закрывают, а свободы у вас нет!

Варвара Павловна побледнела... Хотелось угостить товарища вином, привезенным с юга, шоколадом, словом, чем угодно, лишь бы он не оштрафовал хозяйку, щедрую, безбожную, отзывчивую, лойяльную... А гражданин продолжал:

— Да, свобода твоя заперта в эти комнаты, и нет у тебя выходного дня, как нет солнца в темнице!

— Выходного дня нет? — возмутилась Варвара Павловна. — Да у меня десять выходных дней в неделю, не считая Октябрьских праздников и 1-го Мая. Моя барыня меня всегда для охраны труда и материнства гулять высылает.

— Не верю! — прогремел гражданин. Докажи, что ты — трудовая дочь, а не приспешница! Выходи сейчас гулять! Небось, трусишь, да?

— Я? Нисколько!.. — И, надев манто, Варвара Павловна вышла с неизвестным на улицу. Прощаясь на улице, добрый товарищ говорил:

— Вот что, дорогая! Я буду следить за тобой! Раньше десяти не возвращайся, а то я пойму, что ты с капиталом заодно! Пойди в домпросвет на лекцию и запишись в друзья радио! Это вашей сестре необходимо!

Возвращаясь поздно вечером домой, усталая от новых впечатлений, Варвара Павловна заметила три вещи: взломанную дверь, почти пустую квартиру и записку, приколотую к люстре. На записке было:

«Уваж. гр. Может я виноват, но вы абсолютно палитнеграмотны. Я на арапа дзванил, а увидел вас думал засыпался. Но от вас идейная мысль исходила и я воз пользовался. Звinyaюсь. Уважаемый вас...» (подпись неразборчива).

СПРЕНЖИНЕР И ЕГО МЕТОД

Это было очень давно... Случайно пришлось мне посетить Одессу... Все показалось мне в этом городе интересным! Но самым интересным был, безусловно, Спренжинер.

Я стоял на перекрёстке двух лучших одесских улиц и характерный гортанный шум бурного городского котла окружал меня. И вдруг, какой-то писклявый тенорок донесся до моего слуха:

— Что? Вы не знаете старинной фирмы Балагулова и К°? Тогда, простите, мне даже неловко! Я хотел бы иметь столько копеек за всю свою жизнь, сколько пуговиц пришивается этой солидной фирмой каждую минуту к выделываемым ими рубашкам? Принц Монакский страдает бессонницей, когда он спит не в рубашке Балагулова и К°! А если вы подумаете сравнить эти многоуважаемые рубашки с рубашками какого-нибудь голоштанника Шевелева, то вы увидите, что это за разница, которую ни один рак никогда не съест! Что может быть мечта-

тельнее фирмы Балагулов и К° — Арнаутская, 6, второй этаж!?

Человек, хваливший фирму Балагулова, усиленно размахивал руками. В его тоне сквозила дикая уверенность в своей правоте. Правда, он говорил об этих рубашках более экспансивно, чем требует обыкновенное удовлетворение бельем, но я не знал Одессы и потому послушался убедительного оратора. В тот же день я купил комплект белья у фирмы Балагулов и К°...

Назавтра довелось мне опять побывать на том же углу, где горячился писклявый тенорок... Кругом было страшно шумно, но через весь шум и гам я услышал нотки знакомого голоса. С передаваемой страстностью голос этот скрипел:

— Ребенок вы! Разве обязательно нужно быть одесситом, чтобы знать лучший магазин белья Якова Шевелева? Разве в Африке каждый слон не знает Шевелева? Всякое тело, которое купается минимум раз в три месяца, должно изъявить горячий протест, если его не облачают в рубашки Шевелева — Симферопольская, 8, вход со двора... А говорить про этого прощальную Балагулова, когда жив еще Шевелев, это — то же самое, что мазать хлеб гуталином вместо паюсной икры!!!

Я был ошеломлен! Я знал, что вкусы у людей меняются, но не в течение суток... В конце-концов я сам стал жертвой отвратительного Бала-

гулова. Вчерашняя сорочка жгла мое тело, а внутренний голос шептал мне: иди немедленно к Шевелеву, а Балагуловскую дрянь выбрось в лиман...

Но я не пошел к Шевелеву, а обратился к писклявому тенорку:

— Слушайте! Что все это значит? Вы орете каждый день другое, вы смущаете приезжих, вы возбуждаете одну часть населения против другой, чорт вас возьми!

— Очень приятно! Спренжинер — Шалашная, 3! — ответил мне крикун.

— Что все это значит? Вот что: рубашки Балагулова я буду хвалить до тех пор, пока Балагулов дает мне возможность иметь хоть одну собственную рубашку. А когда вчера вечером он мне сказал, что рубль в день за рекламу — это бешено много, так рубашки Шевелева моментально улучшаются... Ай, что говорить! Вы думаете, все рождаются в сорочках? А у меня тоже дети, которые больше любят хлеб, чем халву, только потому, что халву они еще вообще ни разу не ели! Своя рубашка ближе к телу! — закончил он и убежал...

Через минуту я слышал опять, но уже с другого угла:

— Что? Вы не знаете Шевелева? — и т. д.

Впрочем, почему это я вспомнил вдруг Спренжинера? Вот почему: вчера, гуляя по улицам красной Москвы, я увидел такие плакаты:

— Нет свежих продуктов, кроме как в Моссельпроме!

— Где свежие яйца и масло? Только в Трудсоюзе!

— Пейте одни вина Винторга!

— Самые натуральные вина — лишь в Винсиндикате!

— Требуйте всюду лучшие табаки — Укртабтреста!

— Самые ароматные папиросы — Крымтабтреста!

И, увидав все это, я подумал: неужели трудящемуся не безразлично, курит ли он за свой пятиалтынный крымский или украинский табак? Неужели вино Винторга лучше Винсиндикатовского? Да смеют ли продукты Моссельпрома быть свежее продуктов Трудсоюза? Если да, то немедленно надо закрыть такие предприятия, как Трудсоюз! Ведь это уже убыток государству, а не Балагулову! Ведь если Мосшвей продает дешевле Центротекстиля, то это значит, по-моему, что и товар его хуже и что это трюк Шевелева, а не плановое рациональное снабжение...

Впрочем, я не хозяйственник, я в этом мало понимаю. Быть может, деловые предприятия, предвидя многие великие задачи, нуждаются в Спренжинере, а потому, желая принести им некоторую пользу, я напоминаю адрес:

Одесса — Шалашная, 3.

В ДВУХ СЛОВАХ

Конечно, пока-что этого нет... На всех стенах висят плакаты в красках, гласящие:

«Не мешайте работать! Скажите ваше дело в двух словах».

И никто не обращает на них внимания. Но когда-нибудь заговорит вечный НОТ, и жизнь потечет бодро, лаконически — в двух словах. Вот она:

Человек родился. Говорить не умеет. Может только плакать. И он начинает реветь. А рев его значит в двух словах:

— Хочу жить!

Мать знает, что жить без еды нельзя. Она дает новорожденному грудь и добавляет два слова:

— На! Замолчи!

Ребенок растет. Юноша. Взрослый. Пора стать самостоятельным. Приходит в трест и говорит в двух словах:

— Я — счетовод!

И ему отвечают вопросом. Вопросом в двух словах:

— Член профсоюза?

Дальше текут дни... Человек много работает на службе. А два раза в месяц он подходит к сетке кассы и спрашивает кассира в двух словах:

— Когда получка?

А в дни получки человек становится веселым и, заходя на часок в пивнушку, говорит в двух словах:

— Пару пива!

Потом человек встречает на своем пути женщину. Он даже не знает, красива ли она, но тем не менее говорит ей в двух словах:

— Люблю тебя!

А через год женщина, ответившая на любовь, злобно говорит человеку в двух словах:

— Плати алименты!

Годы бегут... Человек женился. У него — дети. Дополнительные расходы. Человек заявляет заву в двух словах:

— Прибавьте разряд!

Но зав, пожимая плечами, отрицательно кивая головой, отказывает в двух словах:

— Режим экономии!

Вертится колесо календаря. Радость и разочарование сменяют друг друга, и выражаются они в двух словах:

— Снижение цен!

- Сокращение штатов!
- Декретный отпуск!
- Повышение квартплаты!

Стар стал человек... Седой он... Силы падают. Человек зовет коммунального врача и тихо заявляет в двух словах:

- Сердце пошаливает!

А врач, раздраженный тем, что больной живет на шестом этаже, что визит к нему — это десятый сверхурочный визит, жестко, не щадя человека, говорит в двух словах:

- Надежд нет!

Назавтра дочь человека прибегает возбужденная и плачущая в ЗАГС и, истерически пробивая толпу, единым духом в двух словах выпаливает заведующему отделом смертей:

- Папа умер!

Но зав отделом смертей глух к чужому горю. Он любит только порядок и больше ничего. Он видит, что девушка подбежала к стойке вне очереди. Он знает, что сейчас толпа начнет шуметь. А потому бросает отчетливо и резко в двух словах:

- Соблюдайте очередь!

КУСТАРЬ-ОДИНОЧКА

Маруся Корнева, тридцатилетняя, рябая, веснушчатая и косая пишбарышня, судя по указанным признакам, была довольно уродлива и успехом у лиц противоположного ей пола не пользовалась. Но однажды все в ее жизни круто изменилось...

Случилось раз так, что Маруся под каким-то предлогом затащила к себе сослуживца Мякина. Явившись, Мякин выпил стакан чаю, спросил раза два: «как живете» и, почувствовав вдруг, что с Марусей больше ему говорить не о чем, умолк. Тогда Маруся предложила Мякину, если он любит искусство, взглянуть на карточки, висевшие на стене. Мякин согласился и, скучая, взглянул на стену. Но вдруг он близко нагнулся к одной открытке и быстро спросил:

— Скажите, здесь на портрете Раковского надпись: «Мусеньке — на вечную память». Это вам?

Она чуть покраснела.

— Да... Дела минувших дней... Он был так добр... Это было в знойной Ялте... Три года назад... Ночь! Луна! Он звал меня в Париж, Лондон, Рим. Но... я не хотела, и мы расстались друзьями...

Муся говорила много, а Мякин слушал... Новое странное чувство взволновало его.

А на завтра о визите Мякина знали все Марусины сослуживцы. И кое-кто по-новому вежливо спросил Марусю, можно ли к ней заглянуть, на что она сдержанно согласилась.

И вот в Марусиной комнате — три гостя: два счетовода и помбух. Сама Маруся, держа в руках три открытки с портретами, глядя мечтательно в потолок, говорит:

— Вот эту надпись: «Помните?» написал мне тов. Карахан на вокзале, когда я провожала его в Китай. О, эти белые ночи, эта скрытая мгла... Но мы расстались друзьями! А это от тов. Буденного. «Вы — ретивее коня», — так всегда он говаривал мне в долгие вечера после боя, когда мы бывали вместе. О, эти кубанские звезды! Донские небеса! Он звал меня в бой, но... мы расстались друзьями!

— И неужели вам не хочется продлить встречи с этими интересными людьми? — спрашивали сослуживцы.

— О, нет! Я — скромница! Я — только женщина! Но мужское чувство — потемки! Ну, чем

я лучше других? Пожалуй, чуть хуже! А вот все-таки...

Сослуживцы внимательно смотрели на Марусю. Фу ты! А ведь верно, в ней что-то есть! Этакое а-ля-Помпадур, а в глазах какая-то хищность и скрытая ласка...

И с тех пор все Марусины вечера были заняты. Сегодня — кино, завтра — театр. И, возвращаясь из театра, Маруся таинственно рассказывала:

— А Дема, т.-е. пардон, Демьян Бедный, мне и говорит: «Три тома стихов напишу и все вам», но это — пошло, стихи! Я отказалась, и мы расстались друзьями!

Шли дни... И Маруся, взвесив, что даже в кино программы меняются, решила, что настал момент обновить прошлых знакомых. И, достав новые портреты, среди коих был и портрет Маркса, она надписала его так же, как и остальные, с той только разницей, что надпись Маркса была латинским шрифтом: «Miloj djewotchke ot staritchka».

И когда пришли гости, Маруся, повздыхав с полчасика о былых минутах с Томским, Чичериным и Иоффе, взяла портрет гениального теоретика и стала с тоской во взоре вспоминать свое детство...

И дикий хохот раздался вдруг. Нечеловеческий! Маруся, ничего не понимая, обиделась:

— Что-ж тут смешного, что я любила этого мудрого старика... Еще в детстве, в Берлине, где папа был членом...

Но ей не дали договорить, и только Мякин, держась за живот от смеха, промычал:

— Да поймите, что Маркс умер сорок с лишним лет назад!

И когда все ушли, заплаканная Маруся долго сидела перед портретом Маркса и с мольбой шептала:

— О, почему ты умер так рано? Ведь я политграмоты не учила... Я знала, что тебя нет в живых, но почему это было так давно?

И от слез Маруся стала еще уродливее.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Заведующий рабстоловой Брюхин взял лист белой бумаги, чтобы составить, как обычно, меню на день. Но, написав заглавие, Брюхин почесал карандашом голову и глубоко задумался:

— Ох, мать честная! И до чего все изменилось в нашей жизни! Раньше был, скажем, Петербург, а нынче — Ленинград. Улица эта самая в былые годы звалась Кошачий переулок, а теперь, шалишь, — Ново-Каменный тупик! Официант раньше «человеком» был, а сейчас он — гражданин, и публика, сволочь, ему на-чай перестала давать. Все пошло по-новому... И только названия блюд остались старорежимные! И как это власть об этом не заботится?

Брюхину страшно понравилась идея переименования и он с жаром взялся за работу.

— Грибки маринованные... По-новому: грибки а-ля-жилтоварищество; соус провансаль, — здесь никакой идеи нет! Не лучше ли вместо провансаль — проф-ансаль! Винигрет разный — чего, чего только туда не напихано! И се-

годняшнее, и вчерашнее, и соль, и перец, и кислота подпущена, и сальца прибавлено, и сахарку подкинута, ну, прямо — театр Мейерхольда! Так и назовем: винигрет-Мейерхольд!

Дальше супы идут. Щи суточные, по-новому: щи командировочные! Суп гороховый, согласно узаконенному переименованию: суп комиссаровский! Щи ленивые — щи прогульные! Суп с гречневой кашей, которая сама себя хвалит, — суп а-ля-докладчик!

Тэк-с! Теперь рыбы всякие: фаршированная щука — щука нац-мен соус Озет! Камбала оберн, рыба плоская, сжатая, пусть именуется — камбала трамппассажир! Судак, в честь уголовного кодекса, — нарсудак или губсудак! Угорь — он, дьявол, скользкий — угорь а-ля-рабкор с гарнирчиком!

Переходим к жарким... Мозги телячьи — мозги бюрократ! Беф-брезе, картофель Пушкин — ЛЕФ-брезе, картофель Маяковский! Заяц молодой — заяц а-ля-фабзаяц. Ростбиф — Биф имени РОСТА! Свиная котлета — котлета Керзон-Хикс. Грудинка жареная — грудинка а-ля-Личная Секретарша... Шницель венский, — Вена, правда, и сейчас в почете, а все же лучше — шницель Стенька Разин, все-таки парень свой!

Да-с! Остаются еще немясные блюда. Картофель в мундире — картофель в прозодежде. Яичница-глазунья. Глаза, можно сказать, есть,

а видит не все. Назовем ее яичница-ревизком. Кабачки фаршированные... Нынче кабачков нет, а есть Нарпит... Так и запишем: Нарпит фаршир. Соус рабстоловой.

Наконец, сладкое... Тут просто, желе сливовое — Тэжэ-ле сливовое. Воздушный пирог — пирог Добролет. Крем-шоколад... Эх, не говорит это ничего рабоче-крестьянскому сердцу! То ли дело: Кремль-шоколад! Персики Шато-Бриан, как Бриан — глава французских буржуев, — переиначим в персики Шато-Марти! Вот-с!

Брюхин быстро записал все переименования, и на завтра новое меню вошло в силу. А через некоторое время, когда народ по привычке к новым названиям, в рабстоловой было не редкостью услышать:

— Что-ж это, милый, сегодня Мейерхольд будто не того? Попахивает!

Официант нюхал винигрет и отвечал:

— Помилуйте-с! Мейерхольд отменный-с! Никто не жаловался...

— Опять, чорт возьми, в Росте тараканы! Позовите заведующего...

И Брюхин подходил к недовольному едоку и примиряюще говорил:

— Простите... Недосмотр! Возьмите фаб-зайца... Знаменитый-с!

И все было по-новому торжественно...

КЛУБОК

Завклубом и завкультчастью стояли друг против друга, обдумывая какое-нибудь украшение клуба, символизирующее победу пролетариата. Наконец, завкультчастью сказал:

— Я предлагаю выкрасить пол в красный цвет! Это будет значить: «Мы идем по красному пути, проложенному массаами!»

— Остроумно, нечего сказать! А по-моему это толкуется и так: «Мы попираем ногами красный цвет — символ воостания!»

— Ну уж сразу и попираем! Вы — трус! Это значит — вовсе не попираем, а опираемся на красный цвет и любым шагом своим, любым движением касаемся его!

— Да, касаемся! А вы знаете, что не все посетители вытирают ноги у входа! Вот и выйдет: «Грязью улицы и обывательским болотом испачкали красный путь».

— Нет, вы форменный маниак! Разве может грязь запачкать навсегда? На то и уборщица

у нас, чтобы вытирать полы! И в конце-концов получится согласно идее: «Пусть имеются временные пятна, но своими же собственными руками мы сотрем их с лица земли», в данном случае — с лица пола!

— Ну, допустим, с грязью поладили! А если зима? А если снег? Что же получится? На красном пути — белые пятна? Б-е-л-ы-е?

— Фу! Вот дубье! Ведь в клубе тепло! Ведь снег растает! Ведь ничего белого не останется в течение одной минуты! Снег обратится в воду! В жидкость!

— Замечательно! В воду, говорите! А не будет ли это значить: разжижение красного пути, т.-е. уклон?

— Нет! Как только таких болванов завклубами назначают? Откуда же вы получили уклон, когда пол у нас ровный, как поверхность чая в стакане!

— Ну, и что вы докажете тем, что он ровный? И на ровном месте можно оступиться! Вот и выйдет: шел человек по красному пути, оступился. А неважно это, когда на красном пути такие штуки случаются!

— Вы — идиот! Тьфу! — плюнул сердито завкультчастью на пол.

— Ага! — торжественно вскричал завклубом. — Плюете на пол! А интересно, как бы вы расшифровали такую вещь, как: «наплевать мне на красный путь!»

— Ничего бы я не плевал, если бы пол был красный. Я сам понимаю, что красный пол означал бы: «Мы идем по красному пути, проложенному массами!»

— А по-моему: «Мы попираем ногами красный цвет!»

И спор превращается в гигантский клубок и тянется бесконечно снова с начала до конца, и оба клубработника чувствуют, что они бессильны, что вопрос этот — дикий, неразрешимый вопрос четвертого измерения.

РЕБУС ЖИЗНИ

Не на всякой карте СССР обозначен городок Красноглуховск... Действительно маленький городок, всего-то в нем тысячи две с половиной жителей, и то добрая треть из них — изолированные из центра. Но, несмотря на свою микроскопическую величину, красноглуховские передовые люди интересуются всем, всем, всем...

Однажды шопотом, с дрожью в голосе аптекарь Миникес сообщил:

— Товарищи! Я приобрел радио-громкоговоритель... Сегодня услышу границу. Не то Лондон, не то Буэнос-Айрес... Волна еще не выколебалась...

«Волна... Радио... Громкоговоритель»... Эти знакомые, но вместе с тем такие недоступно-чужие слова далеким зычным эхом пронеслись через десять минут по Красноглуховску. Никто не спрашивал, откуда замкнутый, как облатка аспирина, аптекарь достал свой аппарат.

— Товарищи! Приходите сегодня в аптеку, я дам вам радио-концерт! — небрежно приглашал аптекарь.

— Будем, все будем! — отвечали красноглаховцы.

Взрослые и дети, секретари уисполкома и два красноглаховских нэпача, торгующих оптом тыквенными семечками, — словом, весь живой инвентарь Красноглаховска собрался в тот вечер в маленькой аптеке. А Миникес, размахивая руками, говорил:

— Мир есть шарада! Мое первое — неизвестно, мое второе — неизвестно. Но все вместе есть загадка. Культура шагает! Но шаги эти — медленные. Нужны волны... Впрочем, ша! Я чувствую приближение французской волны! Сейчас уловлю ее...

И он ушел в соседнюю комнату, заперев за собой дверь. А через мгновение красноглаховцы услышали музыку марсельезы...

— Allons enfants de la patrie...

Открылись рты у красноглаховцев, и ни одна, казалось, внешняя сила не могла их закрыть...

А через пять минут снова появился покрасневший от фурора аптекарь и сказал:

— Я нащупал Америку. Съезд русских эмигрантов в Чикаго... Они грустят о России... Они вспоминают ее в песнях... Слушайте...

И, скрывшись снова, он потряс собравшихся грустной, как тоска по родине, песней. Это был марш «Тоска по родине». Жутко стало красноглазовцам от одного воспоминания о чужбине и радостно от сознания, что они у себя, где культура проникает в самые медвежьи уголки.

Но кончился марш, и Миникес с сожалением сказал:

— Волна вся вышла: перескочила, холера, в Москву. Сеанс окончен!

И когда возбужденные красноглазовцы ушли, Миникес тихонько пробрался в «ателье громкоговорителя», тщательно вытер тряпочкой две граммофонные пластинки с трещиной и далеко под кровать запрятал трубу старинного, давно потерявшего блеск граммофона...

Сделав все это, аптекарь спокойно лег на кровать, и на лице его появилось хитрое выражение человека, победившего природу, человека, разгадавшего ребус жизни, шараду мира.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
1. Негатив	3
2. Два брата	6
3. Железнодорожный анекдот	8
4. Почта амура	12
5. Выходной день	16
6. Спренжинер и его метод	20
7. В двух словах	24
8. Кустарь-одиночка	27
9. Изобретатель	31
10. Клубок	34
11. Ребус жизни	37

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

БЕГЕМОТ

В 1926 году в издании „ВЕСЕЛОЙ
БИБЛИОТЕКИ БЕГЕМОТА“ выпу-
щены следующие авторы:

В. Ардов, А. Архангельский (Архип), В. Воинов,
Р. Волженин, Э. Гард, А. Григорович, А. д'Актиль,
М. Зощенко, М. Козырев, Б. Левин, В. Лебедев
(Кумач), Иги. Ломанин, К. Мазовский, М. Медве-
дев, Н. Никитин, Л. Никулин, И. Прутков, Пант.
Романов, И. Свэн, И. Сокол, С. Томский, Вяч.
Шишков и др.

Цена отдельного выпуска в красочной обложке
с портретом автора 10 коп.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 год
на еженедельную библиотеку вместе с журналом

БЕГЕМОТ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 мес. — р. 95 к. || На 6 мес. 5 р. 35 к.
3 2 . 76 „ || „ 12 10 . — .

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ — в Гл. Конторе „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“ —
ФОНТАНКА, 57. В отделениях Гл. Конторы — ПРОСПЕКТ
25 ОКТЯБРЯ, 68 и д. 1, а также во всех почтовых конторах СССР.

12072

БЕРЕМОТ

6

Цена 10 к.